

*Эта книга для тебя, Джакс.
Ты мое солнце*

Пролог

Глобус вертится, перед нашими глазами пятнами рябят страны. Розы нужно лишь остановить его пальцем, но я знаю, что она этого не сделает. Не примет такое важное решение, основываясь на чем-то настолько ненадежном, как случай.

— Ну же, Розы, чего ты ждешь? — поддразниваю я, не сдержавшись.

Она отводит свои лазурные глаза.

— Просто... слишком рискованно. Вдруг я ткну в Антарктику или что-то такое?

Я усмехаюсь.

— Уверена, в Антарктике нужен книжный магазин точно так же, как и в любом другом месте. И я уверена, они будут в восторге от твоего авторского чая, который согреет каждую клеточку их сердца! — смеюсь я. Тем и прекрасна жизнь в доме на колесах: у нас есть возможность отправиться куда угодно. Но Антарктика, пожалуй, немного далековато...

Прежде чем я успеваю сказать что-то еще, Розы бросается в заднюю часть фургона.

— Погоди! — Она усмехается в ответ, и я понимаю, что она уже все распланировала. Поставила бы последний свой фунт, что у нее есть блокнотик с расписанием для наших магазинов на колесах. Если чест-

но, я верю, что Роза нас поведет по верному пути. Она разумная, тогда как я слишком эксцентрична, чтобы принимать жизненно важные решения. Я бы однозначно доверилась глобусу, и наверняка перепив вина.

— Та-дам! — восклицает она, выскочив из-за розовой занавески, которая разделяет спальню и гостиную. Я качаю головой и смеюсь. Поверх безупречных светлых волос Роза покоится легкомысленный голубой берет. Уверена, что где-то припрятаны и шарф в тон, и разговорник.

— Мы едем во Францию?

— *Oui, oui!* — Она достает из-за спины второй берет и бросает его мне. — Назови меня сумасшедшей, но у меня предчувствие, что там случится что-то хорошее. Это такая *романтическая* страна. Я прямо-таки вижу, как там *расцветает* любовь.

Я закатываю глаза.

— Ты *поэтому* выбрала Францию? Думаешь, я влюблюсь в какого-нибудь загадочного француза?

Она пожимает плечами.

— Я кое-что разузнала...

— Уже предвкушаю.

Когда Роза говорит, что она *кое-что* разузнала, это означает, что от какой-то ее безумной идеи не открыться без борьбы.

— ...и эти загадочные, как ты говоришь, французы обожают литературу!

Я жду дальнейших разъяснений, например рассказа о том, как будут процветать наши бизнесы, но она молчит.

— И все? Ты думаешь, что нам нужно провести год во Франции в наших фургонах лишь потому, что какие-то французские мужчины любят читать? Твое

Книжный фургончик Ариш

решение основано *только* на этом? — Это слишком даже для Розы.

Ее щеки зарумяниваются.

— Когда ты так это говоришь, конечно, это звучит абсурдно! Но им не просто *нравится* читать, это у них в крови, как у тебя! Они этим живут, этим дышат и празднуют свои литературные достижения. А еще там есть сырные магазины, кто не любит сыр?

Я изгибаю бровь.

— Я люблю сырные магазины. И кондитерские.

— Особенно кондитерские. Так что, мы решили? Оставляем позади фестиваль и все, что мы знаем, и испытаем удачу во Франции?..

— Что мы теряем? — говорю я. — Если не получится, вернемся домой...

Но ни за что я не влюблюсь, разве что во французский обед из трех блюд. *Этому* я могу приоткрыть свое сердце.

Глава 1

Саутуарк, Лондон

В эфемерных тенях уютного лондонского паба мы с подвыпившими друзьями-кочевниками сбиваемся вместе, не обращая внимания на шум, тепло чужих тел — ни на что, кроме друг друга. Мы формируем тесный кружок, и наш смех смешивается со слезами. Макс запекает «California Dreamin'», и мы подхватываем одну из наших любимых песен прошлого года, ту, что мы пели, сгрудившись у костра под мягким лунным светом под чей-то тихий гитарный перебор. Сейчас же мы закидываем руки друг другу на плечи и покачиваемся, не переживая о том, как глупо, должно быть, выглядим.

Это созвездие свободных и прекрасных кочевников собирается рассыпаться по миру, как бисер, и, несмотря на все наши усилия, вероятность, что мы снова встретимся, очень мала. По опыту я знаю, что некоторые устанут от жизни на колесах, продадут фургон и вернутся к работе с девяти до пяти. Других очарует человек или город, и они обретут дом на чужой земле. Кто-то продолжит свой путь до края света, в поисках чего-то неуловимого, что даже они сами не смогут понять. Прощаться всегда тяжело, но у этого прощания особое, окончательное послевкусие. Все, чем мы дорожили, путешествуя вместе по фестивальному маршруту, распадается на части.

Книжный фургончик Арии

Может, это чувство от того, что я с моим фургоном, магазинчиком «Долго и счастливо», отправляюсь в грандиозное путешествие по Франции вместе с лучшей подругой Розы, ее чайным фургончиком, ее бойфрендом Максом и его веганским кафе. Некоторые другие кочевники тоже заинтересовались нашим маршрутом, но лишь время покажет.

Мы ненадежная компания.

Ну, все, кроме Розы. Розы уже пытается подчинить себе расписание, сопоставить каждую дату и место, составить список каждого непредвиденного обстоятельства, просто таков ее характер, хоть она и знает, что, по сути, невозможно распланировать жизнь в доме на колесах. Но от этой ее привычки так легко не избавиться. Я обожаю чужаковатость Розы, но она постепенно учится отпускать контроль над вещами, которые тянут ее назад.

Кроме этого, когда ты кочевник, особо ничего не распланируешь. Фургоны ломаются, фестивали отменяют из-за ненастной погоды или из-за того, что не приехала звезда, заканчиваются деньги — столько развилочек, по которым может пойти завтрашний день.

Наше сборище, расчувствовавшись, разбредается за новой порцией выпивки. В воздухе, словно исчезающий след от бенгальских огней, витают обещания, что не будут сдержаны. Я печально улыбаюсь: как же хочется, чтобы этот момент не кончился, но знаю, что все они приходят к завершению.

Таков путь.

Я нахожу уединенный стул и глотаю вино, в уме подсчитывая, сколько я уже выпила (слишком много), но потом понимаю, что угрюмые прощания в любом случае гарантируют томительное похмелье.

Рози прокрадывается ко мне и, тяжело вздохнув, усаживается рядом, щеки у нее раскраснелись от алкоголя.

— Не думала, что будет настолько тяжело, — говорит она, склонив голову на мое плечо. Светлые пряди ее волос свисают, словно ленточки.

Я наклоняю голову, прижимаюсь щекой к ее макушке.

— Знаю, — выдыхаю я. — Клянусь, каждый год становится все сложнее.

В нашем небольшом кочевническом пузыре все чувствуют себя в безопасности, поэтому делятся друг с другом сокровенным, рассказывают о своем прошлом. Мы смеемся так громко, что болит живот, и ссоримся из-за пустяков, которые кажутся важными. И будто по щелчку пальцев это все заканчивается, и каждый отправляется своей дорогой.

Рози молчит, поигрывает браслетом из бусин, прокручивает его на запястье снова и снова. Ей прощения даются тяжелей всех, ведь это ее первый год в качестве путешественника.

— Пожалуй, когда мы состаримся и посеедем, мы сможем вспомнить всех этих людей, которые оказались в нашей жизни, неизгладимо изменили ее, а потом покинули.

— Это мне нравится.

Я представляю пожилых Розы и Макса на обитом ветрами крыльце, сжимающих в руках кружки с ароматным домашним чаем, все еще влюбленных друг в друга. А потом я представляю седовласую будущую себя, в одиночку обуздывающую бесконечные дороги. Но со мной все еще будут мои книги, ведь правда? Бесшабашные романы, которые наполняют восторгом

мои дни и побуждают мечтать, вымышленные персонажи, что видят меня насквозь...

Но, оглядываясь по сторонам, я вижу комнату, наполненную влюбленными парочками, невымышленными парочками, и меня пронзает укол одиночества, несмотря на то, что я окружена людьми, которым небезразлична.

Глубоко погружившись в свои мысли, я резко возвращаюсь в реальность, когда Розы тычет меня в ребра локтем.

— Чего? — спрашиваю я.

Она не сводит глаз с мужчины у бара; даже со своего места я узнаю эти широкие плечи, эту позу, то, как он стоит, засунув руки в карманы. Он выглядит задумчивым, терпеливо ждет, как будто наполовину не здесь, потеряв в свои мыслях.

— Это *Джонатан!* — восклицает она слишком громко. Я зажимаю ей рот рукой, не обращая внимания на то, что, наверное, размазываю ее помаду. Сквозь ладонь я чувствую вибрацию ее смеха.

— Тихо! Не привлекай внимания. — Мое сердце колотится, и я пытаюсь понять, что он делает здесь. Именно в этом месте. Именно в это время.

Она высвобождается, помада смазалась лишь немного.

— А почему нет? Разве мы не собираемся хотя бы поздороваться?

Розы приподнимает брови. Она делит мир на черное и белое, никаких серых полутонов.

Пытаясь объяснить, я на мгновение оборачиваюсь, чтобы мельком взглянуть на того, кто слишком часто прокрадывался в мои мысли с того дня, как мы познакомились. Его темные волосы отросли и свернулись

кудрями у основания шеи. Он очарователен даже в профиль. Есть что-то невероятно чувственное в его губах, и, прежде чем я потеряюсь в этих предательских мыслях, я качаю головой. Увидеть его столько месяцев спустя оказалось словно электрическим разрядом, но только и всего. Ядвигаюсь вбок, пытаюсь спрятаться за Розы, которая, к сожалению, отодвигается от меня.

Мы с Джонатаном встретились в прошлом году на музыкальном фестивале, и он был бескрайне восхищен нашим кочевническим образом жизни. Болтать с ним было так просто, словно мы были старыми друзьями, встретившимися после долгой разлуки. Когда я говорила, он *слушал* и словно взвешивал каждое слово, что слетало с моих губ. Тогда впервые со смерти мужа я почувствовала крошечную искру в сердце, но вскоре я прогнала ее прочь. И правильно. Я дала обещание и намерена его сдержать.

Но присутствие Джонатана выбило почву из-под ног, то, как на него светил прожектор, словно призывая к действию... Хорошо, что я сижу.

— Ну так? — не отстает Розы.

— Что ну? Мы ему ни слова не скажем, Розы! Мы будем прятаться в этом углу и надеяться, что он уйдет. — Я делаю глоток вина и притворяюсь безразличной.

— Почему? — В ледяную голубизну ее глаз прокрадывается непонимание. — Признайся, что у тебя подскочил пульс, корсаж лопнул, а твои чресла...

Кто вообще использует слово «чресла» в наше время? Я качаю головой: она поддразнивает меня за любовь к сентиментальным романам и описывает их так же клишированно, как и прочие не-поклонники.

— Мои чресла — что?

Книжный фургончик Арии

— М-м... Затрепетали? — Она пытается подыскать подходящее слово, и это не увенчивается успехом.

— Ты себя слышишь? Мои чресла затрепетали? Откуда ты этого понабралась, Рози, только честно? — Несмотря ни на что, я захожусь смехом.

Она испуленно хихикает, и вдруг ее лицо озаряется пониманием.

— Принялись *вздыхаться*! Вздыхающиеся чресла — так же говорят, да?

— Если бы мои чресла *вздыхались*, Рози, я бы отправилась в больницу за помощью, бога ради!

Я прячу лицо в ладонях: уверена, она привлекла к нам внимание всего бара, не только соблазнительно выглядящего Джонатана. У нашей Рози нет фильтра, стоило бы к этому уже привыкнуть. Но ей-богу. Я гляжу сквозь пальцы, убеждаюсь, что, разумеется, на нас глазеет половина Лондона, но Джонатан каким-то магическим образом смотрит в другую сторону. Маленькие радости жизни.

— Тебе повезло, что он не услышал, Рози!

Она пихает меня локтем.

— Ради всего святого, Ария. Ты можешь по меньшей мере с ним поздороваться! Я же не предлагаю тебе выходить за него замуж.

Я качаю головой: нет. Я себе не доверяю. В Джонатане есть что-то дико привлекательное, и такой искры я не чувствовала ни с кем, кроме Ти Джея, это ощущение кажется мне чужеродным, от него хочется сбежать.

Внезапно он поворачивается, и мы встречаемся взглядами. На мгновение время останавливается. Я смотрю на него слишком долго — что же я творю!

— Мне надо... отойти. В туалет! — бросаю я Рози, вскакивая и сбегая. Она поспевает за мной.